

Джулия
Энн Лонг

Онаезды
в полночь

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л76

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Julie Anne Long
IT HAPPENED ONE MIDNIGHT

Перевод с английского *И.П. Родина*

Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

*В оформлении использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

Лонг, Джуллия Энн.

Л76 Однажды в полночь : роман / Джуллия Энн Лонг ;
[пер. с англ. И. П. Родина]. — Москва : Издательство
ACT, 2017. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-093344-0

Красавец и богач Джонатан Редмонд, недоступная мечта самых
блестящих невест Лондона, однажды ночью встречает прекрасную и
тайнистенную Томасину де Баллестерос.

Кто эта экстравагантная молодая женщина, которую одни считают
роскошной куртизанкой, а другие — испанской аристократкой?
Почему она отказывается открывать Джонатану свои тайны? Какая
опасность ее преследует и как ее защитить?

Поначалу Джонатан просто заинтригован, но вскоре его жгучий
интерес к Томасине перерастает в совсем иное чувство...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Julie Anne Long, 2013

© Перевод. И.П. Родин, 2016

ISBN 978-5-17-093344-0 © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

В небе месяц лежал на боку, как серп, брошенный за ненадобностью. Сверкающей россыпью сияли звезды. Не часто небосвод в Лондоне бывает таким ясным — наверняка виной тому настырный ветер с Темзы. Все, что попадалось Томми на пути: бочки со старой дождевой водой, уже тронутой ледком, тощая черная кошка, задравшая хвост вопросительным знаком, прутья низкой кованой ограды, через которую она только что пролезла, — все представлялось ей четкими, выгравированными в ночи деталями мозаики, полными предчувствия и очарования, и опасности.

Другими словами — ей это нравилось.

В этом она была вся, как сказал бы кое-кто из светских щеголей.

Ах, как они любили внимать собственным речам! А она даже и не пыталась отвлечь их от этого занятия. В каждом из них ей удалось бы найти хоть что-то достойное любви, но уж очень они были похожи друг на друга сосредоточенностью на самих себе, на комплиментах в свой адрес, на ее способности льстить им. Никто из них не видел больше того, что хотел увидеть.

Однако Томми не считала, что поступает неправиль- но. И не понимала, что все зашло чуть-чуть дальше, чем нужно, до тех пор, пока ей не прислали жемчуг.

Помимо жемчуга, главной ценностью Томми была золотая медаль с широко расходящимися лучами, при-

крепленная к короткой широкой ленте. На ней были выгравированы самые важные — жизненно важные для девушки слова. Сейчас она с таким жаром сжимала медаль в руке, что совсем не удивилась бы, если бы эти слова отпечатались у нее на ладони.

Что было бы весьма симптоматично. Ведь шрамы на теле Томми могли поведать всю историю ее жизни.

Слегка пригнувшись, она проскользнула в тень расположенного уступами сада. Бросила короткий взгляд на французские двери и высоченные, до потолка, окна, за которыми виднелась скопо освещенная комната. Нет, не какой-то обычный городской дом, ни в коем случае! Чтобы удовлетворить собственные представления о роскоши и неге, владельцу, который выстроил его несколько десятилетий назад, нужен был, как минимум, особняк во французском стиле.

Сердце учащенно забилось, когда в комнате появился мужчина.

Каждая клеточка тела Томми словно обрела зрение только для того, чтобы рассмотреть его. Затаив дыхание, она наблюдала, как мужчина двигался по комнате. Его нос был подобен бушприту корабля — выдающийся вперед, надменный и гармонично сочетающийся с чертами этого лица, состоящего из остро вытесанных углов и широких плоскостей. Не лицо, а монумент.

Томми рассеянно приложила тыльную сторону ладони к щеке.

Казалось, облик мужчины был выкован столетиями обладания наследственными привилегиями. Даже на таком расстоянии она чуть ли не физически ощущала силу, исходившую от него. Это виделось в том, как он вошел в комнату, как с целенаправленностью военного корабля пересек ее, подойдя к книжному шкафу.

Это он. Это был он! Томми знала это.

Мужчина полуобернулся в сторону окна, и тогда она заметила, что его безжалостно остриженные волосы седы.

«Еще, еще, еще!» Ей хотелось увидеть как можно больше. Какого цвета у него глаза, какой формы руки, как звучит его голос. Томми задрожала от нетерпения, натянутые нервы зазвенели, как струны клавесина.

Именно поэтому она чуть не подскочила, услышав у себя за спиной слабый звук удара кремня о кремень, высекающего искру.

Кровь отхлынула от лица. Голова закружилась.

Однако Томми была человеком, готовым к любым неожиданностям. Она обернулась так резко, что подол накидки шлепнул ее по лодыжкам, кинжал, спрятанный в рукаве, соскользнул вниз, больно вонзившись ей в ладонь и оставшись при этом скрытым. Томми крепко вцепилась в рукоятку.

Запахло дымом. При затяжке заалел кончик сигары. В поле зрения Томми возник мужчина.

Его ни с кем нельзя было спутать. Томми поневоле обратила на него внимание этим вечером в салоне, потому что большую часть времени он просто стоял, прислонившись к стене напротив, наблюдал за ней из-под прикрытых век и неопределенно улыбался словно одному ей известной шутке. У него был такой вид, будто он знает ее, хотя они только что познакомились и не перекинулись ни единственным словом. Опять же нельзя было отрицать, что стоявший перед ней мужчина принадлежал к тому сорту людей, которых никакая женщина — если только в ее жилах текла кровь — не смогла бы забыть, увидев единожды. Сейчас таинственно скрытое в тени лицо само всплыло в памяти. Не так много мужчин, от вида которых перехватывает дыхание.

Судя по его репутации, мужчина пользовался своей особенностью направо и налево.

Что было абсолютно безразлично Томми. Он — повеса без титула, а у Томми — всем было прекрасно известно — на этот счет имелись свои жесткие правила.

Однако ирония заключалась в том, что он сказал одну вещь, которая заинтриговала ее на целый вечер. Томми тогда случайно подслушала ее.

— Неужели это сама знаменитая мисс Томасина де Баллестерос? Что привело вас сюда, — взглядом он указал на окно, — чтобы в согбенной позе наблюдать сквозь стекла за всесильным женатым герцогом?

Он говорил очень тихо, низким баритоном и невыносимо насмешливо.

— Это не то, о чем вы подумали, мистер Редмонд. — Ей удалось произнести свою фразу с ледяной вежливостью. Во всяком случае, насколько это возможно было сказать шепотом. — Тот же самый вопрос можно было бы задать и вам.

Над их головами в раме французской двери герцог пошевелился и зажег другую лампу. Комнату залил свет от газового светильника. Теперь мужчина был ярко освещен, как актер на сцене. Что было очень кстати.

— Я просто курю сигару. Ваш покорный слуга стал последним, кто покинул эту самую резиденцию после ужина, на который был приглашен. Таким образом, я побывал внутри этого дома. Должен вам сказать, я невыразимо тронут вашей заботой о том, что я думаю.

— О, никаких забот. — Томми поторопилась развеять его заблуждение. Тем более что герцог выбрал себе книгу в шкафу. Какую именно? Что он вообще читает? — Это довольно трудно — складно врать, а я сейчас весьма занята. А теперь, если вы оставите меня заниматься моими делами, то будете хорошим мальчиком, мистер Редмонд. Доброй вам ночи.

Джонатан Редмонд выдохнул струйку дыма. Вежливо, в небо.

— Вы говорите, как человек знающий, что это такое. Я — про складно врать, — сказал он после паузы. Они продолжали разговаривать шепотом.

Томми метнула взгляд в его сторону. Ее возмущала необходимость отводить глаза от окна даже на секунду.

А там внутри герцог с книгой в руках, опустившись в кресло, судя по всему, пытался разместиться удобнее, чтобы найти удачное положение для своих ягодиц. У него новое кресло? Или на сиденье есть вмятины и он сейчас старается устроиться именно в них?

О, как ей хотелось узнать название той книги!

— Это естественно. Лгут все. Гарантирую, даже вы. Возможно, в особенности вы, учитывая вашу репутацию, мистер Редмонд, и компанию, в которой вы вращаетесь. Причина моего пребывания здесь совершенно точно выше вашего понимания, поэтому можете оставить при себе свои инсинуации ради очередного модного салона, который вы почитите своим присутствием.

Он тихонько покачивал головой в такт ее словам, как будто она по бумажке зачитывала текст своей роли. Томми очень не нравилось быть грубой, но когда ее загоняли в угол, приходилось вспоминать способы защиты из детских времен.

Наверху, в окне, герцог поднялся и одернул брюки, которые попали между ягодиц, пока он усаживался. Потом снова устроился в кресле.

— Вы так и не сказали, в чем же заключается ваше дело, мисс де Баллестерос.

Томми повернулась к нему и выпрямилась в полный рост, который, к сожалению, на целый фут, а может, даже и больше, оказался ниже, чем у него. Молча она досчитала до десяти. Томми чувствовала, как потихоньку начинает закипать.

— Зачем вы изводите меня? — спросила она почти весело.

— Зачем вы носите с собой кинжал? — спросил он, передразнив ее.

От потрясения у нее потемнело в глазах.

Он подобрался, от его валльяжности не осталось и следа. Томми вдруг поняла, что этот человек может превратиться в сжатую пружину, когда необходимо.

И он с самого начала был готов к любому развитию событий.

Томми прочистила горло.

— О... Это?

— Да, — мягко сказал Редмонд. — То самое.

Томми помолчала, кончиком пальца рассеянно дотронувшись до кинжалного острия. Очень острое. Смертельное, совершенное оружие.

— Осмелиюсь предположить, это не то, о чем я подумал.

«Соображай быстрее, Томми, соображай!»

— Я ношу при себе кинжал, — медленно начала она, — потому что... у меня нет пистолета.

Редмонд задумчиво кивнул в ответ на эту глупость.

— Ну да, некоторые постоянно носят пистолеты с собой. По крайней мере мой — при мне.

И ведь действительно. Раз! И у него в руке металлом заблестел пистолет. Как, интересно, ему это удалось?

Она взглянула на оружие.

— Прелестная вещица, — вежливо отметила Томми, одновременно прикидывая, отобрать у него пистолет или броситься наутек в случае необходимости. А если дать ему коленом в пах? Или завизжать так, чтобы кровь заледенела?

— Совершенно верно. Благодарю.

Снова повисло молчание. Вообще-то Редмонд не целился в нее и держал пистолет в руке беззаботно, как сигару. Но Томми не сомневалась, что этот человек знал, как обращаться с оружием. Она слышала разговоры о том, что он с небрежной легкостью поразил в яблочко все мишени у Мантонов.

— Мистер Редмонд, вы действительно считаете, что я собираюсь кого-нибудь убить? Если так, то уверяю, в этом случае я уже прикончила бы вас или его, а не выставляла кинжал на обозрение.

Он фыркнул в ответ.

— У вас из этого ничего бы не вышло. Никогда, уверяю. Давайте, придумайте что-нибудь более интересное.

Томми тяжело вздохнула. Он оказался несговорчив.

— Ну ладно. Я беру кинжал с собой для защиты, когда выхожу на улицу ночью. И точно знаю, как с ним обращаться. А здесь нахожусь потому, что узнала, что герцог вернулся в город. Я столько слышала о нем, что мне просто захотелось посмотреть, как он выглядит. Как вы понимаете, мы с ним вращаемся в разных кругах. Клянусь... памятью моей матери.

Это прозвучало несколько более благочестиво, чем хотелось. Хотя не такая уж это была неправда.

— Памятью матери — той самой испанской принцессы? Ну тогда конечно. Более священную клятву трудно себе вообразить.

Томми вздрогнула. Ей нужно было прийти в ярость. Она хотела прийти в ярость. Где-то на периферии сознания раздался слабый свистящий звук.

Проблема заключалась в том, что этот человек вдруг ее заинтересовал. Что было довольно редко, когда речь заходила о мужчинах.

— Я не могу сказать, почему мне нужно увидеть его. Да и не хочу. Но абсолютно честно, мне просто хочется взглянуть на знаменитого герцога Грейфолка. Я знала, что он будет здесь этим вечером. Клянусь вам! Назовите это... любопытством. Теперь вы уйдете?

Над их головами предмет ее любопытства почесал свой огромный нос и перевернул страницу.

Господи, Томми до дрожи хотелось узнать, что он читает! Ослепительно сверкнуло огромное кольцо с печаткой на его пальце.

— Интересно, а почему вас так заботит благополучие герцога, мистер Редмонд?

Тот заколебался.

— Не хочу вдруг увидеть его убитым до того, как я успею уговорить его вложить деньги в одно из моих предприятий.

Она хмыкнула в ответ. Самоуничтожительный юмор удивил ее.

— Вам не удалось убедить его сегодня?

Редмонд снова ненадолго задумался, пососав сигару.

— Давайте скажем, что у меня еще все впереди.

Томми нравилось его спокойное высокомерие. Никакого хвастовства, просто решительная уверенность. Ей это напомнило ее саму.

— Итак? — сказал Джонатан после паузы и указал на свой пистолет.

Оба одновременно убрали свое оружие.

— Я был поражен тем, что вы узнали меня в темноте, — признался он. — У вас должно быть зрение кошки, мисс де Баллестерос.

— Весьма трудно не узнать человека, который пялился на меня весь вечер.

Снова возникла интересная пауза. Томми могла бы поклясться, что ее откровенность заставила его замолчать от удивления.

— Я все никак не мог решить, нахожу ли я вас привлекательной, — наконец сказал он.

У Томми отвисла челюсть. Она закашлялась, чтобы скрыть удивление.

— Я понимаю, что должен был бы, — добавил Редмонд почти извиняющимся тоном. И при этом крайне ехидно. — Любой бы на моем месте не колебался. В конце концов, вы та еще штучка, не правда ли?

Томми физически ощущала, как он наслаждается ее замешательством.

Неожиданно она услышала нотки откровенного удовольствия в этом чистейшей воды нахальстве.

— Как вы понимаете... Мне абсолютно безразлично, что вы думаете... Томми.

И мерзавец тихо засмеялся. И совсем даже не невежливо. А так, словно приглашал ее посмеяться вместе с ним. Однако!

Последовала многозначительная пауза, во время которой каждый произвел свою переоценку другого. И во

время которой каждый молча сделал определенный вывод, касающийся другого.

А потом Томми доверчиво придвинулась к нему.

— Ах, как вы откровенны!

В следующую секунду его озорная улыбка словно озарила ночь.

Томми ответила ему такой же.

Этот обмен улыбками был подобен рукопожатию. Это был договор относиться друг к другу с симпатией.

Позже окажется, что именно это будет главным, что врежется ей в память о той ночи — блеск озорной усмешки в темноте, которая показалась тогда прекрасным и более опасным близнецом месяца в небе.

Томми следовало бы быть более осторожной.

Глава 2

«Как забавно!»

Только герцог Грейфолк, холодно подумал Джонатан, мог так испохабить прекрасное слово «забавно». У него возникло подозрение, что теперь всю оставшуюся жизнь при этом слове мышцы его тела будут непроизвольно напрягаться.

Джонатан постарался воспользоваться всеми уловками и ухищрениями, чтобы получить приглашение на ужин, устроенный по случаю возвращения влиятельного герцога Грейфолка из Америки. После ужина за сигарами и бренди он, пользуясь точно такими же уловками и ухищрениями, сумел плавно перевести разговор со скаковых лошадей и их покупки на инвестиции вообще, что потребовало серии ходов, продуманных и элегантных, как во время шахматной партии.

Не говоря ни слова, что уже само по себе было красноречиво, герцог откровенно разглядывал проклятый фингал у Джонатана под глазом. Тот был невелик, но

быстро приобрел порочивший его обладателя фиолетовый оттенок.

«Это совсем не то, что вы думаете», — хотел запретить Джонатан.

Герцог откинул голову назад и выдохнул вверх. Его красивая тяжелая голова скрылась за завесой дыма. Теперь в такой обстановке в комнате мог бы материализоваться сам дьявол, подумал Джонатан.

— Массовая печать... Как это забавно, мистер Редмонд. Мне кажется, у каждого молодого человека должно быть какое-нибудь... конструктивное... хобби. — Герцог опять перевел взгляд на синяк. Одна его бровь, дернувшись, приподнялась.

«Синяк совсем не значит, что у меня есть привычка махать кулаками в пивнушках».

— Массовая печать в цвете. — Джонатан с такой силой стиснул в руке бокал с бренди, что слышал биение собственного пульса. Но голос его оставался спокойным. Речь не чересчур энергична, не чересчур эмоциональна. Любой, разумеется, мог с первого взгляда определить потенциал идеи. В особенности герцог, про сообразительность и практицизм которого было известно всем.

В молчании герцог смотрел на него еще какое-то время, а потом повернулся к мужчине, сидевшему рядом.

— Кстати, о Ланкастерской хлопчатобумажной фабрике... Судя по всему, у проклятого стряпчего имеются какие-то условия продажи, известные только ему одному. Он придерживает при себе дополнительные финансовые детали. В конце концов он, конечно, продаст ее мне.

Раздались тихие смешки. Потому что, конечно, герцог всегда получал то, что хотел.

— Вы решили купить скакового жеребца? — спросил кто-то.

— Через несколько дней за Холланд-Парком пройдут импровизированные скачки. Там я решу, стоит ли он тех

денег, которые за него просят. Говорят, что он самый быстрый конь последнего десятилетия.

И все! Тему разговора поменяли, Джонатана отодвинули в сторону и забыли, потому что это была прерогатива герцога — отодвинуть и забыть все, что ему было неудобно.

Через два дня на скачках за Холланд-Парком Джонатан, можно не сомневаться, предпримет еще одну попытку. Лошади его тоже интересовали, и имейся у него сейчас свободные средства, он купил бы какую-нибудь.

Однако как много о его отце Айзее Редмонде говорил факт: Джонатан решил, что из этих двух гигантов герцога завоевать будет проще.

Сегодня Джонатан прибыл в Суссекс, полный намерений победить.

«Забавно!» Обнаружив Томасину де Баллестерос под окном герцога с кинжалом в руке, он решил, что это было бы подходящим завершением вечера. На миг Джонатан с сочувствием воспринял то, что ему показалось намерением совершить убийство.

Джонатан тихо улыбнулся и представил себе, как женщина, которая возбуждала фантазии всей мужской половины высшего общества, — собственно, по этой причине приятель Аргоси и затащил его в салон графини Мирабо, — напряженно пригнувшись, словно кошка, готовившаяся к прыжку, прячется под высокими окнами герцога. Он ни на секунду не поверил в то, что ее присутствие там — это проявление любопытства или прихоть. Сам ее вид говорил о том, что ей было вполне удобно находиться в тени.

Даже если бы Джонатан никогда не увидел ее в полночь, притаившуюся в засаде у дома герцога Грейфолка, даже если бы не услышал от нее фразу: «Я беру с собой кинжал для защиты, когда выхожу из дома по ночам. И знаю, как пользоваться им», — ему и без этого стало бы понятно, что Томми де Баллестерос — большая головная боль.

И несмотря на это, она все равно нравилась ему.

Во-первых, формально Томми была единственной женщиной из круга его знакомых, которая вообще смогла произнести такие слова и произнесла их уверенно, словно зная, о чем говорит. Она терпеть не могла глупцов, что позабавило его. На самом деле разговаривать с ней было примерно то же самое, что освободиться от тесных сапог в конце долгого дня: она казалась странно уютной, странно крупной, в отличие от других женщин.

Во-вторых, ему нравилось, как она смеется. Весьма нравилось. И он был бы не против снова заставить ее рассмеяться.

Джонатан передал плащ и шляпу лакею и теперь стоял в дверях гостиной Редмонд-Хауса, исподтишка наблюдая за своей сестрой Вайолет, за которой присматривала их мать, пока муж сестры находился по делам в Лондоне. Вайолет удобно расположилась на кушетке. В ее руках тихо звякали вязальные спицы, из-под которых выходило нечто похожее на шарф. Ее головка с блестящими черными волосами была сосредоточенно наклонена, и в холодном бледном свете, идущем от окна, она напоминала сирену — настоящий образчик английской женственности. Можно было бы вот так написать ее и дать название картине «Мадонна из Суссекса».

А потом Редмонды повесят это полотно в своей гостиной, вся семья будет собираться вокруг, тыкать в нее пальцами и громко хохотать. Более приемлемым названием для картины было бы «Внешность обманчива».

— Чем занимаешься?

Она резко обернулась.

— Джонатан! — Ее лицо осветилось. — Не торчи там, тараща глаза. Ты выглядишь отлично, хоть и весь в пыли. А я?

— Ты ослепительна. Когда располнеешь еще больше, мы будем таскать тебя в портшезе. Или, может, купим элегантную повозку, запряжем в нее ослищу и будем тебя возить.

Вайолет издала яростный вопль и метнула в брата клубок голубой шерсти.

Вернее, попыталась метнуть, но задела рукой свой округлившийся живот, и клубок шерстяных ниток полетел на пол.

Брат с сестрой смотрели, как он прокатился и замер у ног Джонатана.

Тогда Джонатан перебросил ей его назад и, наклонившись к ней и крепко зажмутившись, замер так, чтобы она смогла кинуть в него клубком еще раз.

Клубок отскочил от его груди.

Они наблюдали, как клубок остановился в нескольких футах от окна.

— Ну что, полегчало? — спросил Джонатан.

— Нет. Ты можешь принести его?

— Конечно. — Он поднял клубок и протянул ей.

— А теперь не смог бы ты принести мне марципан?

И, может, немного малины?

Джонатан недоверчиво посмотрел на нее.

— Женщина, ты путаешь меня со своим добровольным рабом графом Ардмеем. И где мы найдем малину в это время года? О господи, ты сейчас разревешься, не так ли?

Вайолет обдумала его слова.

— Не в этот раз, — наконец решила она. — Но мне кажется, малышу хочется малины.

— Я считаю, что у тебя девочка и она будет вылитая ты. — Джонатан произнес это как ругательство, бросился в кресло рядом с ней и развалился, устроив ноги в сапогах на мягкому стульчике. Ему захотелось позволить это себе, пока мать не видит.

— Ашер тоже всегда так делает, — мечтательно сказала Вайолет.

— Он бы вел себя по-другому, если бы рос с тобой и должен был все время оттаскивать тебя за локти от колодцев и тому подобное. — Однажды Вайолет в споре